

В русской литературе, впрочем, как и в любой литературе мира, над всеми остальными вопросами всегда превалировали такие: «Что есть человек? И каково его место в этом мире?».

Без ответа на них настоящий литературный процесс — невысказанным.

И здесь следует остановиться на двух ключевых для данной статьи понятиях: «В этом мире» и «Настоящая литература». Что же это такое?

Вопрос о том, существует ли Нечто кроме этого видимого, данного нам в ощущениях и познаваемого опытным путём мира или нет, не так прост, как кажется на первый взгляд. По сути это вопрос веры и неверия в существование разумных высших сил, познание которых опытным путём невозможно из-за ограниченных возможностей человеческого разума, действующего в строго определённых некими границами пределах.

Применительно к русской литературе, особенно девятнадцатого века — это вопрос богоискательства или отрицания Творца. Проще сказать, православного или материалистического понимания, отрицающего всё потустороннее, что невозможно (не дано) проверить опытным путём. Увы, Творец, Создатель, Бог, Разумное начало, Нус, Логос, как определяли это Нечто некоторые греческие философы, опытным путём не познаётся. И не потому, что человек так глуп или недостойн «Высшего знания», к которому стремились мыслители всех времён и народов, достигшие, кстати, немалых высот во многих областях знаний. А потому что это лежит в сфере Недосягаемого, даже для самого острого человеческого ума. То есть, выведено за определённые границы дозволенного человеку понимания. Думаю, не вызывает сомнения тот факт, что все самые головокружительные высоты человеческого интеллекта в постижении мира варьируют, всё же, в неких строго определённых границах микро- и макрокосмоса, выход за которые закрыт от нас невидимой завесой. Более того, чем дальше, больше, глубже человек познаёт этот мир, тем больше у него возникает вопросов, и тем более перед ним встаёт, кажется, неразрешимых загадок. Пример тому — атом, который оказался, при дальнейшем его исследовании, так же бесконечен, как космос.

Так есть ли пределы человеческого разума, за которыми, возможно, существует иной мир, доступ в который нам, до поры до времени, закрыт, и где действуют уже иные законы, силы и понятия. Порою лишь являемые в данном мире в виде чудес, выбивающихся из всех земных законов и понятий, не подчиняющихся им. Примером такого чуда, несомненно, может считаться, скажем, воскресение Христа...

Лично я уверен, что пределы человеческого разума существуют и реально ограничены двумя не представимыми для личности любого масштаба понятиями: бесконечность и конечность. Что это такое? Вообразить и то и другое, как мне

кажется, не представляется возможным. Именно об этом, о первом ощущении ребенка, сознание которого ещё ничем не замутило, мой рассказ «Пределы разума» из книги «Предчувствие чудес».

Рассказы, включённые в книгу, объединяет то, что все они написаны уже в двадцать первом веке. То есть, на переломе эпох, когда человек неосознанно начинает задумываться об уходящем времени, о его природе... И если у Марселя Пруста основными мотивами произведений были «поиски утраченного времени» и был «рай, из которого нельзя быть изгнанным», то есть — память, то герой моего рассказа: «Куда всё это исчезает?..» углубляет данный вопрос, риторически спрашивая неизвестно кого, и дополняя его ещё более непонятным вопросом: «И — зачем?..».

Именно на этот вопрос, с горчинкой, ответить бывает труднее всего, а порою и невозможно. Зачем, например, капитан Ахав в книге Генри Мелвилла (к слову сказать, современника Гоголя) «Моби Дик» бросает вызов, по сути дела, всему свету, Вечности, олицетворением которой предстаёт в романе Белый кит? (Аналогия с белым цветом, включающим в себя весь спектр, все семь цветов радуги.) Оттого ли, что он гордец, терзающий себя вопросом: «Зачем такой душе — такое тело?!». Тело одноногого калеки, которого ранее изучил Белый кит.

Зачем мы появились в этом мире?

Зачем существует любовь и смерть? Самое значительное, что есть в литературе и человеческом бытии.

Кем и зачем создан этот мир?

Впрочем, я не стану далее развивать эту тему, по причине её не решаемости. И ограничусь более локальными и более простыми, но от этого не менее значительными вопросами, которые задаёт себе маленький мальчик, герой рассказа «Пределы разума».

Рано или поздно любой человек начинает задумываться над тем, «Что есть жизнь?»; «Чем я был, когда меня ещё не было?»; «Что такое смерть?»; «Всё ли кончается вместе с ней? Или за этим стоит ещё что-то?»; «Бесконечен ли наш мир, или у него есть свои пределы?..»

Многие из этих вопросов невозможно подтвердить или опровергнуть опытным путём, ибо «тайна сия велика есть». Но то, что недоступно опыту, может доходить до нас проблесками интуиции — этим неведомым, но, тем не менее, существующим чувством. При помощи интуиции, неясных, неосознанных догадок, творит писатель. А в любом, даже самом диком племени на заре человечества уже существовало множество легенд и поверий об ином мире, всемогущих богах. О Инакобытии писали жрецы Древнего Египта и вещали пророки. Система запретов — табу, как бы заготовок будущих заповедей божиих, позволяла многим племенам выживать, в прямом смысле этого слова.

И смерть наших далёких предков не страшила, потому что, как писал Алексей Максимович Горький: «Фольклорный человек бессмертия не искал — он его имел». И именно интуиция, вера подсказывала разумному существу бесспорный, на мой взгляд, вывод, что если со смертью всё кончается, то человеческая жизнь в принципе лишена какого бы то ни было смысла. Мы знаем, что у Пушкина об этом написаны очень горькие строки:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?..*

Действительно, если подходить к процессу жизни с точки зрения материалистического, атеистического мироощущения, то каждый новорождённый человек, с первых минут своего существования, осуждён на казнь, ибо жизнь его (почти по Шекспиру) — драма с заранее известным концом.

Думается, здесь уместно будет вспомнить несколько литературных примеров, касающихся данного вопроса, раскачивающегося на весах Вечности, между смертью — ничто и — бессмертием, о котором мы ничего не знаем и о котором можем лишь догадываться, подобно некоторым литературным героям.

Например, мальчик Айк из рассказа Фолкнера «Медведь» задаёт себе именно такой вопрос: «Существует ли за смертью что-то, или с нею всё кончается?». И ему как будто отвечает князь Андрей из романа «Война и мир» Льва Николаевича Толстого. «Я умер — я проснулся!», — разгадывает он свой сон. Осознав, что в некой предельной точке происходит как бы «выворачиваемость», превращение одного явления в другое. Подобно тому, как это происходило с царевной-лягушкой из русской народной сказки, когда безобразное становилось прекрасным. Но и мальчику Айку, и князю Андрею могли бы противостоять нигилисты из романа «Бесы» Фёдора Михайловича Достоевского или Евгений Васильевич Базаров из романа Тургенева «Отцы и дети», хотя он и говорил, что всяк человек — загадка. Но, тем не менее, с завидной уверенностью естествоиспытателя утверждал, что смерть — есть лишь прекращение химических процессов, и ничего более. И такой научный, материалистический подход, конечно, справедлив, но лишь для брэнного тела. А куда ж нам тогда деть нашу бессмертную душу?

Вспомните Николая Васильевича Гоголя и его поэму «Мертвые души»: «И только теперь жителя города № узнали, что у прокурора всё-таки была душа, ибо теперь пред ними на столе лежало одно лишь бездушное тело».

Будем считать, что с вопросом этого мира мы более-менее разобрались.

Перейдём теперь ко второму понятию, на котором мы хотели остановиться. А именно: «Что же такое настоящая литература?». И чем она отличается от ненастоящей, поддельной, только именующей себя таковой. Проще говоря, нам нужно отделить зёрна от плевел, чётко разграничив подлинную литературу и литературу подленькую. То есть, всевозможный окололитературный ширпотреб — низкопробные подделки, широким потоком хлынувшие на прилавки книжных магазинов, пекущиеся, как блины, в угоду так называемому массовому читателю. Требующему от литературных ремесленников (увы, не Мастеров, по Булгакову) простенького чтения: незамысловатых детективов, любовных романов, «фэнтези», романов ужасов, описания различных плотских извращений, типа маркиза де Сада и прочее-прочее... Одним словом, всего того, над чем не надо думать, а можно лишь поглощать с приятностию, словно десерт. Стоит сказать, что подобные тексты, в основном, «глочет» ленивый обыватель, которому классическая художественная литература вроде бы и ни к чему. Ведь она требует работы мысли и души. А обывателю с иссохшими мозгами, достигшими размеров грецкого ореха, это всё зачем? Ему подавай лёгкое чтение, чтобы что-то мелькало в сознании, подобно картинкам на телеэкране.

Обычно так называемые произведения массового спроса подобны бабочкам-однодневкам, и умирают сразу после их прочтения, ибо ничего нового дать читателю, увы, не могут из-за отсутствия в них подлинного героя и психологической глубины, что весьма важно для художественного произведения. Если же герой подлинный, то он становится порою, неосознанной даже, реальностью жизни. Например, князь Андрей, Наташа Ростова, Дон Кихот — персонажи, подчас

более осязаемые, почти осязаемые, чем живущие с нами на лестничной площадке люди, которых мы можем и не знать. И если вы у человека, даже не прочитавшего за свою жизнь ни одной книги, спросите, кто такой Гамлет или Офелия, то, скорее всего, он вам ответит. Может быть, и не всегда правильно, но ответит. То есть, персонажи, типажи, созданные из продуктов человеческого духа, более реальны, чем наши современники. И более реальны они ещё и потому, что включают в себя частичку каждого из нас. В этом и заключается магия настоящего писателя, магия художественного слова, а не текста, как теперь называют свои произведения многие новомодные авторы.

Для примера разберём какой-нибудь современный детектив и детектив несовременный.

В редакции газеты, где я в своё время работал, была очень симпатичная, как сейчас говорят — «очень продвинутая» девушка, страстная поклонница новомодного чтения, которая постоянно подталкивала меня к тому, чтобы я прочёл тот или иной современный детектив. Я уступил её настойчивым просьбам и прочёл во время командировки очень яркую, с интригующим названием книжку не то Марининой, не то Дашковой.

Через неделю, вернувшись из поездки в редакцию, встретился с девушкой, вернул ей книжку, а на её вопрос: «Ну, как?» затруднился ответить, потому что с ужасом обнаружил, что напрочь забыл почти всех героев книги и их характеры, помня лишь интригу расследования преступления. Воспоминания были отрывочными, и я мог припомнить только некоторые незначительные детали. Чтобы выйти из нелепого положения и не обнаружить перед очаровательным созданием провалов памяти, я спросил её: «А тебе-то как, самой понравилась эта книжка?».

— Конечно! — сразу ответила девушка. — Особенно этот, ну, который красавчик, оказавшийся впоследствии главным злодеем... И ещё та, основная героиня. Как ловко она его перехитрила... Или вот, ещё там, когда они на пляже, напряжённый какой эпизод, когда неизвестно кто старуху убил...

После подобных комментариев я совершенно успокоился и понял, что никаких провалов памяти у меня нет. Просто кроме фабулы, лихо закрученного сюжета, некой головоломки, длящейся до последней страницы — повести, романа ли, запоминать в этом произведении нечего. Книга написана по принципу кроссворда.

И, пожалуй, с точки зрения современных детективщиков, самым беспомощным, самым нелепым детективом может считаться «Преступление и наказание» Фёдора Михайловича Достоевского. Поскольку почти уже с первых страниц романа читателю становится известен и убийца, и кто убит, и за что. Причём то, за что убита старуха-процентщица, оказывается совершенно ненужным её убийце — студенту Родиону Романовичу Раскольникову. Грошики, взятые у покойницы, он попросту зарывает под камнем, почти забывая о них. Фабулы, головоломки — нет. Но зато есть другое — постижение души человеческой, поскольку главный вопрос и главный ответ героя данного романа состоит в ином. «Кто я? Тварь дрожащая или право имею?».

Как не вспомнить тут, к слову, вновь Александра Сергеевича Пушкина: «Мы все глядим в Наполеоны, двуногих тварей миллионы — для нас орудие одно». Да и Фёдора Михайловича уместно упомянуть ещё раз: «Широк русский человек. Слишком даже широк. Я бы — сузил».

Достоевский в этом своём изречении имел в виду то, что в одном человеке, в одной душе, могут уживаться и грехи содомские и невиданные высоты человеческого духа. «Бог с дьяволом борются, а поле битвы — сердце человеческое», —

читаем мы у него же. Вот вам и ответ на вопрос: «Что же такое настоящая литература и чем она отличается от не настоящей?», дорогие мои соотечественники. Настоящая литература — это, прежде всего, ответ на вопрос: «Одинок ли человек в этом мире, или он находится под покровом Божиим?». Если, конечно, сам осознанно стремится к свету. Подобная литература и называется «нетленкой», то есть, живущей очень долго. Иногда несколько веков, а то и более.

«Ну, допустим, вы правы. И современные детективы, любовные романы и прочая белибердень — это «бабочки-однодневки». А что вы скажете о том же маркизе де Саде, книги которого читают и перечитывают миллионы людей? Как говорится, есть спрос — есть и предложение», — может спросить меня неведомый читатель.

А то и скажу, дорогой мой гипотетический оппонент, — силён порок. И людей (не всех, к счастью) к пороку порой тянет, как мух на дерьмо.

«Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит», говорится в Евангелии от Матфея, глава 18, стих 7.

Именно поэтому, на мой взгляд, ориентируясь на заповеди Божии, настоящая литература стремилась высветить идеалы, засветив их, как маяки, расставив ориентиры жизни человеческой, и всегда старалась, по мере сил и возможностей, бороться со всем низменным, разлагающим человеческую душу. Ибо, как говорится в Благой вести, что толку человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит.

Вспомните, в связи с этим, диалог Смердякова с братом Иваном Карамазовым.

— Вот вы человек образованный. Университет закончили, — спрашивает Иван Смердяков. — Скажите, есть Бог или нет?

— Успокойся ты, — отмахивается от него Иван, брат по отцу. — Нет никакого Бога.

— Так значит всё позволено! — радуется Смердяков.

Действительно, без Бога, без заповедей его, долженствующих являться нравственным началом любого человеческого общества, первобытно-общинного или современного, жизнь превращается в «смердяковщину». Или, попросту, начинает смердеть. А великие, несокрушимые, казалось бы, империи в мгновение ока начинают распадаться, треща по швам, как истлевшая материя. Примеры тому и языческая Римская империя, и безбожная империя СССР. Я, например, долгое время спорил с советской конституцией, и даже не раз давал интервью по этому поводу, утверждая, что статья шестая её не точна. И должна быть перевёрнута с ног на голову или, проще сказать, вывернута, как перчатка. А статья та гласила, что безмерная забота партии и правительства состоит в том, чтобы всесторонне обеспечивать материальные и духовные ценности Советских граждан. Но без первоочередности духовных ценностей удовлетворение материальных запросов превращает любого человека в одного из персонажей повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». А именно, в Желудочно-неудовлетворённого Кадавра, основное занятие которого — постоянно жрать.

Кстати, подобное «смердяковщине» явление, убеждаясь во всё более крепнущем нигилизме, начинающем разъедать общество, — предвидел и другой Фёдор (Иванович) Тютчев, написавший горькие строки: «Не плоть, а дух растлились в наши дни». К чему это растление духа, души привело, мы слишком хорошо знаем на кровавых примерах жестокого двадцатого века.

А ведь классики литературы предупреждали нас, ставили на нашем губительном пути саморазрушения свои меты ещё в девятнадцатом веке.

Так, в уже упомянутом романе «Преступление и наказание» есть очень много, на первый взгляд, второстепенных, не главных эпизодов, как бы и не имеющих

прямого отношения к главному стержню повествования. Но на то он и классик, провидец, что у него всё имеет значение. Например, в эпизоде игры в карты «благородный» Родион Романович гневно уличает в шулерстве «не благородного» Свидригайлова.

— Вы же мухлюете, сударь! — гневно восклицает Раскольников.

На что его партнёр устало, и с неким недоумением даже, отвечает:

— Э, батенька, в карты передёргивать нельзя, а старушек по кумполу топором лущить можно?

Слова Свидригайлова можно перевести так. Если уж вы, молодой человек, лишились нравственной узды — ведь на все лады расхваливаемая свобода — это, по большому счёту, не вседозволенность, а свобода от греха — и нарушили одну из главных заповедей: «Не убий», что ж вы тогда по таким пустякам мельтешите? Или, как говорил о подобных ситуациях некоторым особо ретивым богоискателям, превратившимся, по сути дела, в сектантов, Лев Николаевич Толстой: «Что же вы, господа, так подробно живёте-то?». О том же писал и Салтыков-Щедрин: «Большие прегрешения (скажем, войны — В.М.) у нас называются делами историческими, а малые — делами срамными».

Для русского человека ощущение срама, меры греха, искание правды существовало всегда. Вспомните хотя бы героя «Очарованного странника» Лескова, говорящего: «Очень уж хочется мне за правду, за русский народ пострадать». То есть, русский мужик интуитивно чувствовал для себя границы дозволенного, поскольку в большинстве своём был народом православным. А потому и бил смертным боем забредающих в деревню нигилистов, призывающих сбросить с трона «батюшку-царя». Бил не потому, что царя очень уж сильно любил, а потому, что царь, в представлении народном, являлся богопомазаником! И «скинуть» царя поэтому представлялось простому народу раскачиванием основных устоев, на которых держится общество.

Тот же Свидригайлов, перед тем как застрелиться, то есть, совершить не прощаемый грех самоубийства, говорит всем, что он уезжает в Америку. Для него это стало каким-то особенным, навязчивым заклинанием.

— А я в Америку уезжаю. Я в Америку уезжаю, — говорит он каждому встречному.

В его представлении Америка — эта сытая, самодовольная, безбожная страна — уже самое дно, ниже которого опуститься невозможно. Потому-то самоубийство для него, когда нет никаких идеалов, становится более предпочтительным, чем безбожная сытая жизнь, ибо в глубине души он понимает, что человек — это не машина для переваривания пищи, и что у него есть какое-то более высокое предназначение. «От духа родится дух. От плоти — плоть»

Например, Фёдор Михайлович Достоевский полагал, что мир можно изменить к лучшему, до неузнаваемости, мгновенно, за секунду. Для этого только и надо-то всего — начать исполнять заповеди Божии. То есть, выбрать правильный вектор движения. Не вниз, куда нас устремляет тот же маркиз де Сад, наглядно показывая, что человек, в его понимании, это всего лишь похотливое животное. А вверх — к духовному, прежде всего, совершенству.

Может быть, стоит попробовать? Хотя бы в ограниченном небольшом количестве людей, локальном, так сказать, пространстве. А там, глядишь, и в привычку войдёт не сквернословить, не потакать своим порокам, почитать родителей, не лжесвидетельствовать, не прелюбодействовать, не красть...

Думаю, что в подобном обществе всем нам, и детям нашим жилось бы значительно лучше. И, возможно, не такая уж это утопия?